

Веч. Казань. - 1992. - 15 июля.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА (спецвыпуск)

«Я ПОКИДАЮ ПОСЛЕДНИЙ ПРИЧАЛ»

О жизни и смерти Жана де Алевье —
поющего поэта Геннадия Мигачёва

Гитара была его талисманом. Она хранила на улицах от группировочников и шпаны, когда, по своему обыкновению, за полночь он возвращался с репетиций домой. Его отпускал с миром и даже довозил до подъезда не раз останавливавшийся милицейский патруль.

Но в тот вечер, 12 мая, Гена был без гитары.

...Когда они вышли из клуба, чуть светало. Еще горели фонари. Проспект лежал перед ними тихий, пустынный и необычно широкий. Забыв о постоянных наказаниях матери ходить по встречной полосе, Гена повел друзей по ходу. Их было трое. Они шли рядом, обсуждали планы. Завтра — съемки на теле-студии. Через несколько дней они отплывут на теплоходе, чтобы спеться и отобрать репертуар. А там... В сентябре их приглашали на прослушивание к популярному Бари Алибасову. В том же месяце Гена собирался жениться и уже затеял в квартире ремонт. Он был счастлив: все складывалось удачно. Наконец-то у них — долгожданный полный набор музыкантов. Они шли домой отсыпаться, напевая мелодии еще не родившихся песен и не слыша вокруг ничего.

Ощутили только удар. Редкие в предассветный час машины несутся с бешеной скоростью. Настигшая их белая «Волга» была совершенно сумасшедшей, а сидевшие в ней кажутся теперь слепыми: ведь ряд был свободен — проезжай, где угодно... Сбили всех троих.

Один очнулся через несколько минут и бросился к друзьям. У Гены пропал пульс, он был без сознания и хрипел. Рядом стояла белая «Волга» (не та ли самая вернулась?). Над Геной склонились двое в форме, а двое в штатском оставались поодаль. Уверенный, привыкший распоряжаться голос мгновенно сделал вывод:

— Все ясно. Пьяные. Один, вишь, до сих пор хрипит... Поехали!

Хлопнула дверца, а окончательно пришедший в себя парень, понимая, что друг «уходит», около часа пытался остановить какой-нибудь «мотор»...

Если бы не упустили время, если бы та машина отвезла Гену на операционный стол, его еще можно было спасти. Он умер, не приходя в сознание. За месяц до трагедии ему исполнилось 20 лет.

Винных в его гибели не нашли. И, вероятно, все, уже не отыщут.

Не припомню в своей практике случая, чтобы семнадцатилетний просил рассказать о двадцатилетнем. Молодежь не верит в кумиров. Но голос в телефонной трубке заметно волновался:

— Меня зовут Максим. Предлагаю вам тему для очерка...

Они пришли вдвоем с другом, начали рассказывать. А я очень жалела, что не познакомилась при жизни с Геннадием, взявшим, как ни странно, псевдоним — Жан де Алевье.

К сожалению, мы больше обращаем внима-

ния на молодежь, очутившуюся на обочине, нежели на тех лучших ее представителей, кто живет совершенно другой — духовной, творческой жизнью и стремится оставить после себя след. Они и в нашем всеобщем развале находят в себе силы верить в лучшие дни и вести за собой тех, кто рядом.

Друзья рассказывали, что Гена рос в одной из интеллигентнейших семей Казани (родители — ученые), и дали такую оценку матери погибшего поэта, которой наверняка могут позавидовать все матери на свете. Через несколько дней я увижу Елену Геннадьевну. Меня поразят ее молодость, а более всего — глаза, с навсегда застывшей скорбью и одновременно неженской силой.

С Максимом они едва дотащат на наш этаж огромную черную сумку. Достанут из нее Генин магнитофон, кассеты с записями его песен. И папки со сти-

встреча с председателем казанского клуба самодельной песни «Апрель» Славой Аршиновым. Затем — первая премия за авторский текст на конкурсе самодельной песни на КамАЗе. И внимание к растущему дарованию «крестного отца на сцене» ленинградского барда Михаила Трегера. Мучительные поиски своего места в жизни: попытки учебы в энергетическом институте (не задерживался там и месяца), даже в ПТУ (ровно неделя), и работа в кооперативе (ушел через пять дней).

Мать умоляла: «Пять лет — так немного. Получи диплом. Он убеждал ее, что должен спешить: не смеет он тратить попусту ни недели, ни месяца! И стал жить, как свободный художник. Ночные бдения над стихами и музыкой, творческие встречи, поиски новых тем, людей, ситуаций.

Владея некоторыми нетрадиционными метода-

Стихи становятся поэзией,
когда оправданы судьбой.
Ярослав Смеляков.

хами. У поющего поэта, как он называл себя, осталось 600 стихов-песен, восемь рукописных романов (I), несколько философских тетрадей. В свои двадцать Гена Мигачев успел столько, сколько другим не успеть за век.

На стол веером падали фотографии. С них глядели на мир почти философски-мудрые и, увы, обреченные глаза ребенка, подростка, юноши... (Близкие и сам Гена предвидели, что ему отпущено немного. Прочитайте — некоторые строки его стихов кажутся пророческими).

Он рос супериндивидуальным, супериндивидуальным ребенком. Его энергия было так много, что окружающие не выдерживали. В школе он поставил все по-своему. Учителя пользовались им, как энциклопедией. А класс, переболев Геной, понял: Мигачев — это неординарно.

Стихи пришли к нему рано. А традиционные три бардовских аккорда показал приятель в подъезде. Гена мгновенно научился играть на гитаре, отдавшись новому увлечению с неистовством наконец-то нашедшего свое подростка. Развивался стремительно, становясь духовно все сложнее и притягательнее для сверстников.

Судя по стихам, он рано осознал и нечто, абсолютно недоступное заурядным сочинителям. Назовем это контактом с высшими надматериальными сферами (в прошлые века аналогичное состояние именовалось вдохновением). «Моя природа — двойственный дилемма. Мы в двух мирах, и это неизбежность», — писал он о себе («Долина любви»).

Первые, в 14—15 лет, концерты ему организовала у своих знакомых мать. Потом была памятная для подростка

ми, мать укрепляла тело сына, сделав физически совершенным, но не убергла его от судьбы.

Отец, тренер по водному ориентированию, взял сына в свою команду еще ребенком. В седьмом классе тот стал кандидатом в мастера спорта. Его уважали здоровенные мужики, он побеждал во многих соревнованиях. И если бы продолжал заниматься спортом, мог стать мастером международного класса.

Но Гену позвала Муза.

Сильный, не по-современному спокойный и счастливый юношеский голос поет о смысле жизни, о любви. О вечном — «Доброе и Зле. Его философия глубока, светла и оптимистична, хотя звучит и пронзительно — о нашей общей боли, о том, как «кричит по швам надрезанная Русь».

В цикле об эмигрантах он поет о тоске по Родине так, словно побывал в изгнании сам. Еще есть цикл сказок, цикл о художниках. Вот как писал Гена о Ван Гого: «Если он сумасшедший, то кто же здоров? Он бродяга с глазами пророка. Рисовать на бумаге скрещение миров — это право Винсента Ван Гога» (один из вариантов стихотворения «Право экспрессии»).

Сын пел. А мать раскладывала перед мной отпечатанные тексты песен. Почти в каждом — строки-открытия, строки-озарения. «Тишина — как обрыв», «правда у всех разная, истина одна», «тихо стихами читает листья», «эта страна — не для всех»... Сын пел, а я украдкой смотрела на мать. Нет, не берусь поведать о ее состоянии. Не могу найти слов, чтобы рассказать, чем и как были связаны эти близкие люди. Наверное, они были слишком счастливы друг возле друга, и

наше жуткое время не простило им этого. Мать не говорит о сыне в прошедшем времени. Она не верит, абсолютно убеждена: ее «солнце» вернется к ней на некоем сверхъестественном, лептонном уровне, открытом физиками.

Одетая во все черное женщина клянется найти убийцу.

— Сына все равно не вернешь, — осторожно роняю я. — Зачем же тогда?

— Я бы показала им это, — поднимает она стопки стихов. — Я заставила бы их слушать его песни, а потом спросила: смогут ли они теперь жить?

Но могут ли понять друг друга гомо сапиенс, живущие в разных измерениях и разных мирах? Один из них «забыл и ненавидит», и боль, осталась только трепетная нежность, а другие бросили его умирать на дороге.

Остаток жизни (если, конечно, считать 39 лет большей ее частью) Елена Геннадьевна собирает, чтобы выпустить диски песен сына и опубликовать сборники стихов. Теперь на это нужны деньги. Очень большие суммы. Найдутся ли меценаты?

Гену мало заботило «увековечение» собственных творений. Он больше мечтал об огромных, умеющих слушать залах единомышленников, и не спешил со стихами в редакции.

Запомнилась одна фотография: Гена с гитарой на сцене. Но, собственно, даже не она, а слегка отдающая наивной мальчишеской бравадой и одновременно гордостью надпись на обороте: «Сколько ни пой, им все мало».

Он только начинал. Еще непризнанный, любил петь в больницах, школах. Особо выделял свои выступления перед слепыми и душевнобольными людьми. По его мнению, они умели слушать. Жан де Алевье не пел там, где жевали и воспринимали поющего поэта, как «развлекуху» к званому обеду.

— Пишу для свободной, раскрепощенной аудитории, — успел сказать он в единственном своем интервью на республиканском радио. — Считаю, что творчество должно быть свободным от конъюнктуры. Не нужно работать на толпу. Я никогда не подчинюсь общему течению. Буду писать так, как чувствую, понимаю...

Олег Волчков, Дима Гусачкин, два Миши — Гитлин и Гудошников — лучшие друзья Геннадия поразились на похоронах тому, сколько молодых знали и любили барда. Для семнадцатилетнего он становился уже кумиром. Ему начинали подражать и почитали за счастье быть рядом. Его любимая девушка Юля (именно любимая, а не просто невеста) рисовала с ним, подыгрывала ему на флейте, убежденная, что в институт культуры она поступила исключительно ради того, чтобы быть режиссером его выступлений.

Наверное, он не мог жить дольше. Создатель забирает к себе лучших из нас.

Л. КОЛЕСНИКОВА.

Геннадий Мигачёв

Зеркало Вселенной

Тот, кто смотрит с Земли на Луну, лишь блестящее видит пятно. А с Луны я на Землю взгляну — вижу тот же эффект все равно.

Черным дырам космическим в зоб мы глядим, словно дуло в мишень, но глядеть отражению в лоб — что до пяди урезать сажень.

Загасив на рассвете свечу, разберись — где король, где ладья. Обо многом я здесь промолчу, но скажу — вам Юпитер судья.

Вы сильны, но в Галактике всей есть немало альтернатив. Я смотрю на вращенье осей, закреплённых в законный штатив.

Этот день

В. ВЫСОЦКОМУ

Саваном на землю снег прилег, как всегда — ничем не уловим. В этот день меня не срезать с ног, в этот день меня не взять живым.

Я сегодня вышел из игры, в щели зимним холодом сквозя. И пускай мои враги мудры, в этот дань меня убить нельзя.

Мне на шею надевали крюк, но прибрать руками не могли: между пальцев я ушел из рук, как родник холодный из земли.

Я стекаю медленно в овраг там, где засыхает старый вяз. Первый, кто решил шагнуть во мрак, тот ушел в небытие от нас.

Он из тех, что мертвыми творят... Паутиной ливня оплетен, я один, как точечный заряд молнии, погашенной дождем.

Право экспрессии

Виноградники Арля в открытом окне развалились в своем колорите, угасает закат в разноцветном огне в двух шагах, хоть руками берите.

Из-за синих ветвей чья-то песня слышна, где-то справа змеится дорога... Рисовать этот мир впечатлением сна — это право Винсента Ван Гога.

Еле-еле с концами концы сведены, после дождика воздух нетрезвый, и по нервам Оверский пейзаж со стены мне проехал, как тысяча лезвий.

Он ни капли не верил земным королям, верил в предначертание рока. Проходить по земле, как по минным полям, — это право Винсента Ван Гога.

Пергамент

Горячие земли навеки укрыты снегами, хотя обещали, что скоро наступит весна. Сегодняшний снег для меня —

раскаленный пергамент, пусть алгебра света еще далеко не ясна...

На солнце уже не скрится горящая маска, потрескались струны,

но я до конца не допет. Попытка остаться живым потерпела фиаско: затертое небо сегодня не терпит побед.

Погибшие строки ложатся на снег, точно дранки, строка за строкою,

без строгих значений углов, а песен моих журавли — неземные подранки, сложили в сугробах решетку из умерших слов.

В простреленный купол идут лучевые атаки. Я вышел на плоскость

давно догоревших идей. Сегодня финал, и остатки вчерашней отаги сиреневой кровью струятся из черных костей.